

УДК 81

**АЛОГИЧНОСТЬ КАК КАТЕГОРИЯ ИДИОМАТИКИ АВАНГАРДА
(НА МАТЕРИАЛЕ АВАНГАРДНЫХ МАНИФЕСТОВ)**

© 2019 г.

О.В. Соколова

Институт языкознания РАН, Москва

olga.sokolova@iling-ran.ru

Поступила в редакцию 16.08.2019

Рассматриваются концептуальные основания, языковые особенности и проблемы смыслообразования в идиоматике авангарда. Целью исследования является изучение алогичности как одного из категориальных признаков идиоматики авангарда. Материал исследования представлен манифестами русских футуристов (кубофутуристов и эстетически близких к ним представителей русского авангарда) как наиболее репрезентативный жанр, в котором теоретические положения объединяются с лингвистическим экспериментом. В работе определяются границы понятия «алогичность» во фразеологии и в отношении авангардного художественного дискурса, а также разрабатывается понятие «алогичные (собственно) авангардные идиомы». Алогичность, с одной стороны, относится к сфере языковой аномалии, и в этом плане она противопоставлена языковой норме, а с другой стороны, лежит в основании процесса смыслообразования авангардных идиом и – шире – авангардного семиозиса. В основе алогичных авангардных идиом заложен когнитивный механизм перефокусирования, особенностью которого в литературном авангарде является выдвигание в фокус окказиональных семантических компонентов. В результате выявлены следующие способы номинации, которые лежат в основании алогичных авангардных идиом, образуемых в результате перефокусирования: окказионализация и конкретизация, «межсемиотическая транспозиция», энантиосемия, окказиональные авангардные идиомы-эксперименты и модификации «традиционных» фразеологических единиц.

Ключевые слова: языковая аномалия, алогичность, идиоматика авангарда, сдвиг фокуса, конкретизация, энантиосемия, межсемиотическая транспозиция.

**Проблема языковой нормы, аномалии
и алогичности**

Исследование алогичности как проявления языкотворчества в авангардном дискурсе предполагает обращение к понятию языковой нормы, являющейся тем каноном, в отношении которого можно исследовать разновидности языковых аномалий и их функционирование в разных типах дискурса. Дихотомия языка как нормативной системы и речи как индивидуального и каждый раз нового акта употребления языка выделяется уже Ф. де Соссюром. Различные подходы к осмыслению креативного основания аномалий как таких отклонений от нормы, которые обладают не негативным, разрушающим, а аффирмативным, эвристическим потенциалом по отношению к языковой системе, начинают складываться в античности, получая дальнейшее развитие в работах младограмматиков, Пражского лингвистического кружка, Э. Сепира, Л. Блумфильда, Ш. Балли, Л.В. Щербы, О. Есперсена и др.

На современном этапе различные аспекты анализа языковой нормы и языковых аномалий осуществляются в работах [1–5] и др. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, обращаясь к логико-семантическим аспектам языковой нормы,

«норма имеет слабый выход в лексику... Стандарт не возбуждает ни интереса, ни эмоций <...> Черно-серая ворона является объектом таксономической деятельности. Это просто ворона. Белая же ворона составляет объект семантических усилий человека. Это уже не просто ворона, а белая ворона <...> Развитие семантики стимулируют аберрации» [2, с. 65–66]. В связи с феноменом языковой аномалии Н.Д. Арутюнова говорит о языковом эксперименте как неотъемлемой составляющей не только художественного творчества, но и лингвистики, отмечая, что «удачный эксперимент указывает на скрытые резервы языка, неудачный – на их пределы» [2, с. 79].

Важно отметить, что традиционно при исследовании аномалий разграничивается их употребление как выразительных средств в художественном дискурсе и как элементов, относящихся к области лингвистического эксперимента [6, с. 53–54]. Среди ученых, использующих языковые аномалии как основу экспериментальных методов синхронической лингвистики, Ю.Д. Апресян называет Л.В. Щербу, А.М. Пешковского, О. Есперсена, Л. Блумфильда, Ш. Балли и Л. Теньера [6, с. 50].

Фундаментальному изучению аномалий в языке художественной литературы посвящена

монография «Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие» Т.Б. Радбиля, где феномен языковой аномалии рассматривается как теоретическая проблема, а также дается широкий обзор подходов к этой проблеме в историческом контексте. Выявляя особый статус языковых аномалий в художественном тексте, Т.Б. Радбиль отмечает «диалектически противоречивое единство» языковой аномалии, которая реализуется посредством «неконвенционального (т. е. в известной степени деструктивного) употребления единицы или модели языка и креативного потенциала такого употребления в речевой практике» и вводит понятие «аномального дискурса» как «особого способа художественного освоения мира» [5, с. 6]. Приводя подробную классификацию аномалий в художественном тексте, Т.Б. Радбиль включает в понятие языковой аномалии «не только разного рода отклонения в вербализации закономерностей системы языка, но и нарушения в сфере принципов ее речевой реализации и коммуникативно-прагматических условий ее применения, в сфере языковой концептуализации мира и актуализации общих правил построения текста», разграничивая аномалии на «формальные и семантические, семантические и прагматические, семантические и логические (концептуальные) аномалии, а также на аномалии системы и аномалии текста» [5, с. 60]. Отдельные виды языковых аномалий в художественном тексте также исследуются в работах [7, 8, 9 и др.].

Алогичность в авангардном художественном дискурсе

Проблема отклонения от языковой, прагматической, культурной и других видов нормы как онтологическое и эстетическое основание авангардного искусства неоднократно становилась предметом исследований. Как уже отмечалось выше, о языковых аномалиях в экспериментальной литературе, и в том числе в литературном авангарде, писал Т.Б. Радбиль. Выявление особенностей противоречия, лежащего в основе «авангардистского художественного сознания», осуществляется в монографии И.П. Смирнова, который вводит понятие катахрезы (в противопоставлении метонимии и метафоре) как особого тропа, определяющего формирование категорий художественного пространства, времени, каузальности и др. «Катахреза <...> обнаруживает противоречие внутри целого: выделяет одно из его слагаемых в качестве исключительного, утверждает, что целое не равно сумме его частей, либо демонстрирует, что оно состоит из гетерогенных единиц» [10, с. 100]. О

такой замене органического, целостного произведения искусства на неорганическое, части которого «эмансипированы» от целого, пишет теоретик авангарда П. Бюргер [11, с. 12], постулируя, таким образом, преодоление границ между искусством и реальностью и повышение роли прагматики в авангардном художественном дискурсе.

Поскольку одной из ключевых целей литературного авангарда является создание нового художественного языка и трансформация реальности, основным оператором авангардного языко творчества оказывается лингвистический (и художественный) эксперимент. Именно лингвистический эксперимент приводит к нарушению языковых, прагматических, эстетических, культурных и социальных оснований, что способствует повышению перформативного потенциала в авангардном искусстве, максимальному воздействию на читателя и трансформации реальности словом.

Общая тенденция к преодолению любых оппозиций и границ реализуется в авангардном искусстве также в стирании различий между поэтическим и научным дискурсами и соответственно между художественным и лингвистическим экспериментом. С одной стороны, авангардный эксперимент включает как практическую (эстетическую, языко творческую), так и теоретическую (метаязыковую, лингвистическую) составляющие, что проявляется на уровне авангардного текста. С другой стороны, в общем культурном и научном контексте XX–XXI вв. происходит тесное взаимодействие литературного авангарда и научной лингвистики, что выражается в создании новых концепций, терминологических комплексов, методологий (подробнее о взаимосвязи языка и искусства, общих принципах развития и взаимовлиянии научной мысли и художественного эксперимента см. монографию В.В. Фещенко [12]).

Такое расширенное понимание языковой аномалии в авангардном художественном дискурсе, включающее языковые, прагматические и когнитивные аспекты, а также художественный и научный (лингвистический) эксперимент, может быть интерпретировано в русле концепции «языковых игр» Л. Витгенштейна. В основе его подхода лежит объяснение природы игры как нарушения сложившейся системы языковых, семантических и прагматических правил, что позволяет раскрыть сущность не только языковых законов, но и реальности как таковой. Как писал Л. Витгенштейн об антиномии «закон» (норма)/«исключение» (отклонение от нормы), «фундаментальный факт состоит здесь в том, что мы устанавливаем для некоторой игры определенные правила, определенную технику, и

тогда, когда мы следуем этим правилам, все происходит не так, как мы предполагали» [13, с. 126].

Ключевым принципом авангардной эстетики становятся разработанные в кубофутуризме и осмысленные формалистами «прием остранения» и «деавтоматизация» (термины В.Б. Шкловского), направленные на разрушение стереотипных когнитивных моделей и инициацию ответной реакции адресата с целью вовлечения его в конкретную коммуникативную ситуацию. «Деавтоматизация восприятия адресата» достигается в авангардном художественном дискурсе с помощью специальных языковых средств (нарушение стандартного словоупотребления, лексические и грамматические окказионализмы, алогизмы и др.), запуская механизм разрушения алгоритмизированных моделей интерпретации и активизируя творческие процессы [14, с. 13]. Именно в поэтике и эстетике раннего авангарда сформировалась своеобразная «экспериментальная модель», построенная на взаимодействии когнитивных, коммуникативных и языковых факторов [14, с. 16].

В настоящем исследовании более подробно будет рассмотрен такой признак языка авангардного художественного дискурса, выступающий в роли триггера когнитивных и коммуникативных изменений, как *алогичность*, который понимается как разновидность отклонений от языковой нормы, относящийся к языковой аномалии. Рассмотрение этого вопроса будет происходить в аспекте исследования проблем, касающихся разработки словаря нового типа – «Идиоматика русского авангарда (кубофутуризм)» (составители И.В. Зыкова и О.В. Соколова). Алогичность является одним из основных категориальных признаков идиоматики авангарда (выделяемых в работе [15] наряду с «образностью», «выразительностью», «(субъективно) ощущаемым своеобразием», «непрозрачностью», «направленностью на деавтоматизацию восприятия» и «межсемиотичностью» [15, с. 17]). При этом под «идиоматикой авангарда» понимается «совокупность разного рода средств (вербальных и невербальных), целенаправленно создаваемых авангардистами в результате экспериментов, в основе которых лежат эстетическая и прагматическая интенции на формирование нового художественного языка литературы и искусства. Такие интенции реализуются за счет совмещения установок на отрицание существующих языковых конвенций и формирование новых норм, организующих новую идиоматику как основу нового языка» [15, с. 10].

В качестве материала для анализа выбраны поликодовые манифесты русских футуристов (кубофутуристов и эстетически близких к ним

представителей русского авангарда), что связано с особым статусом авангардного манифеста как центрального для авангарда жанра, в котором языковые эксперименты не только постулируются в качестве эстетических проектов, но и получают воплощение в художественной форме.

Выбор алогичности в качестве одного из признаков авангардной идиомы обусловлен ориентацией на языковой эксперимент, характерный для авангардной поэзии, и направленностью на выражение экспрессии, провоцирующее образование нестандартных, неузуальных явлений на лексическом уровне, включая фразеологию. Учитывая, что «традиционные» фразеологизмы выполняют роль культурно-национальных стереотипов, различные формы отклонения от нормы позволяют актуализировать фразеологизм в контексте, придать ему большую экспрессивность, эмотивность и сформировать перлокутивный эффект.

Выделяются две основные области функционирования алогичности: 1) в логике, когда под алогизмом (от греч. *a* – не, *logos* – разум) понимается «ход мысли, нарушающий какие-то законы и правила логики и поэтому всегда содержащий в себе логическую ошибку» [16]; 2) в поэтике, как «непредсказуемое совмещение понятий; сознательное нарушение логических связей в художественном произведении. Алогичность проявляется как в пределах словосочетания (С.И. Соболевский о «Гавриилиаде» А.С. Пушкина: «прелестная пакость»), так и короткого синтаксического отрезка: «Митрофан. Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку... Так мне жаль стало... Тебя, матушка: ты так устала, колотя батюшку» (Д.И. Фонвизин, «Недоросль»). Алогичность может также разрастаться до алогичного сюжета, образа и т. п. и в этом качестве нередко сочетается с гротеском, но в отличие от него не требует фантастической образности» [17].

В классификации языковых аномалий Т.Б. Радбиля особую значимость для нашего исследования представляют «логические аномалии». В определении «логической (когнитивной, ментальной) аномалии» подчеркивается ее «интерпретационный компонент», когда «модальная рамка “правильного”, адекватного способа рассуждения (мысли) о мире» будет следующей: «Люди считают, что так можно думать/рассуждать (так правильно думать/рассуждать)» [5, с. 45]. Среди примеров логических аномалий Т.Б. Радбиль приводит «немотивированные логические искажения в речи лирического героя или Повествователя», «сочетание несочетающихся концептов», «нарушение формально логических законов», «аномальную

концептуализацию структуры события в мысли», «неинформативные высказывания, которые часто ведут к “тавтологической избыточности”» [5, с. 46].

Актуальной для объяснения парадоксальной природы алогичности как категориального признака идиоматики авангарда представляется также концепция «дизъюнктивного синтеза» Ж. Делёза. Это синтез, который соединяет несоединимые между собой, взаимоисключающие элементы, «граница, которая проходит по сингулярностям, а также принцип утверждающего дизъюнктивного синтеза (а не синтеза противоречия)» [18, с. 280]. Обращаясь к литературе абсурда Л. Кэрролла и А. Арто, Ж. Делёз характеризует ее, исходя из такого понимания логики смысла, которое строится на основании дизъюнктивного синтеза «черты, сочленения вещи», лежащей в основе особого способа мышления как интуитивного целостного охвата мысли в ее становлении». Такое мышление является одновременно утверждением и отрицанием [18, с. 281]. Обращаясь к пониманию мысли как складки и к методу мышления Ж. Делёза, А. Бадью интерпретирует дизъюнктивный синтез следующим образом: «...необходимо, чтобы акт мысли сочетался с поверхностью (с внешним), как с тем, что само по себе является границей. Но что может быть одновременно движением поверхности и разграничивающей линией? Это как раз и есть складка... Глубочайшим моментом интуиции является, стало быть, момент, когда граница мыслится как складка, и когда, следовательно, “внешность” оборачивается во “внутренность”. Граница больше не является тем, что воздеиствует на внешнее, она является складкой внешнего» [19, с. 120].

Схожее понимание глубинной «сущности» как основания «предметной структуры имени» встречается у А.Ф. Лосева, который выделяет три базовых этапа в каждой сущности: «*момент генологический*, или момент сверхсущего единства, охватывающего все бытийные и все небытийные, меональные, моменты вещи; *момент эйдетический*, или момент оформления вещи, очертания ее, момент обрисовки контура, момент явленного смысла, или идеи; и *момент генетический*, т. е. алогически-становящийся, или момент вечной подвижности и жизненности устанавливаемого смысла в пределах эйдоса и начального единства» [20, с. 93]. Далее А.Ф. Лосев развивает идею об амбивалентной природе символа, в котором выражается антитеза «логического и алогического, сознательного и бессознательного, вечно устойчивого, понятного и – вечно неустойчивого, непонятного, и никогда нельзя в нем от полной непонятности перейти к полной понятности» [20, с. 109].

Таким образом, *алогичность* представляет собой такое нарушение концептуальных, логических связей при сочетании языковых элементов, прагматических норм или дискурсивных и когнитивных оснований, которое лежит в основе самого семиозиса авангардного искусства. Феноменологическое понимание алогичности как антиномичной и амбивалентной процедуры означивания может быть учтено при анализе семантики в авангардных текстах. В основе пограничности, внутренней динамичности «глубинного» смысла, к которому пытается выйти литература авангарда и абсурда в своих языковых экспериментах (ср. с понятием «внутреннего склонения» В. Хлебникова и «*innere Sprachform*» В. фон Гумбольдта, а также «внутренней формы слова» А.А. Потебни), лежит когнитивный механизм перефокусирования, который получает особую реализацию в авангардном художественном дискурсе.

Понятие «фокус» как категории когнитивной лингвистики вводится в работах Р. Лэнкера, Т. Гивона, У. Чейфа и др. и получает дальнейшее развитие в исследованиях Е.С. Кубряковой, Е.Г. Беляевской, О. К. Ирисхановой и М.И. Киосе. Описывая механизмы «перефокусирования» (или «сдвига фокуса») и «дефокусирования», О.К. Ирисханова отмечает, что они включают лингвокогнитивные процессы, направленные на изменение фокуса внимания говорящих (перефокусирование) и приводящие к «затемнению» и «понижению степени выделенности» элементов конструируемой ситуации или объекта, т. е. переводу их во вторичный фокус или фон (дефокусирование) [21, с. 65].

«Общим когнитивным механизмом дискурсов активного воздействия является перефокусирование, которое заключается в расхождении между вербализуемым и ожидаемым фокусом и выдвигании в фокус неконвенциональных языковых элементов, когда перераспределение внимания связано с нарушением формально-смысловой связности между элементами и с необходимостью самостоятельного достраивания образа объекта» [14, с. 13]. Поскольку когнитивный механизм перефокусирования является базовым для авангардного дискурса, такой подход представляется релевантным при обращении к идиоматике авангарда, что будет подробнее рассмотрено ниже.

Алогичность во фразеологии

Для выявления особенностей алогичности в идиоматике авангарда необходимо рассмотреть специфику функционирования этого признака во фразеологии и идиоматике в целом.

Проблема языковых аномалий и отклонений от языковой нормы рассматривалась не только в аспекте теории языка, но и применительно к фразеологии уже в работах Ш. Балли, который уделял особое внимание важности экспериментального использования языковых аномалий, подчеркивая, что «они принадлежат ж и в о м у языку и косвенным путем освещают его природу и функционирование, а также направление изменений, которые он претерпевает» [22, с. 35]. Вопрос о значимости алогичности как признака идиомы акцентирован в работе А.А. Реформатского, который отмечал, что «идиома – конкретна, зачастую многозначна, индивидуальна, принадлежит только данному языку, порою алогична, зато экспрессивна» [23, с. 70].

Среди спорных моментов фразеологии по-прежнему остается проблема формирования значения фразеологических единиц (ФЕ) и их дальнейшего функционирования в языке. Особый статус ФЕ определяется их ролью в системе языка и способностью репрезентировать как фоновые культурные значения, так и информацию, определяющую фоновое знание отдельных типов дискурса. О таком выражении «культурно-специфичных знаний» не только в аспекте общеязыковом, но в дискурсивном пишет В.Н. Телия: «Взаимодействие языка и культуры – одна из тем, которые выходят на авансцену базовых методологических проблем лингвистики всякий раз, когда она обращается к способности языковых знаков и дискурсов различных типов и различных эпох и направлений хранить в себе память о «порядке культуры» (по Р. Барту), о его культурных кодах и несомых ими культурных же установках, или прескрипциях, опознаваемых (или бессознательно-рефлексивно воспринимаемых) лингвокультурным сообществом» [24, с. 674]. Подробно описывая особенности фразеологического значения, В.Н. Телия уделяла большое значение признаку алогичности и алогизмам в работе «Функционально-параметрическая модель значения идиом» [25].

Развивая традицию В.Н. Телии, С.В. Кабакова выявляет значимость алогичности в аспекте связи фразеологических единиц с мифологическим мышлением: «Представляется, что способ мышления, связанный с восприятием идиом, во многом наследует архаические (мифологические) формы мышления, особенностью которых является *алогичность* (выделено автором. – С.К.), проявляющаяся в том, что оно функционирует на основе закона партиципации или сопричастия, предполагающего отождествление субъекта и объекта» [26, с. 72]. Преемственность архаического мышления, выражаемая в отказе от связей с европейской культурой и в

обращении к примитивно-архаическим культурам, является также одной из значимых черт авангардного искусства (ср. с интересом к праславянскому языку у В. Хлебникова, возрождением традиции африканской маски у К. Малевича, «примитивами» М. Ларионова и Н. Гончаровой и др.).

Анализируя процессы развития фразеологизмов и основываясь на разграничении логичности/алогичности, А.С. Аксамитов выделяет ФЕ, сформированные на логико-семиологической (язык без костей, язык не поворачивается) и алогичной основе (*груши на вербе, с руками оторвать*), а также такие выражения, не нарушающие логики и не имеющие свободного словосочетания (*волк в овечьей шкуре, стреляный воробей, бабье лето*) [27, с. 17]. Критериями для выделения «алогичных» ФЕ при этом являются семантическая прозрачность/непрозрачность и наличие/отсутствие эквивалентного свободного словосочетания. В ходе этимологической реконструкции В.М. Мокиенко устанавливаются ФЕ, в основании которых лежат алогизмы разных типов. Например, ФЕ *без году неделя*, которое «родилось не просто как гиперболический каламбур, основанный на алогизме, но и как своеобразное продление привычного для древнерусского языка сочетания *безъ года* (*не во время* или *безмерно*)» [28, с. 130–131]. Выявление лингвистических механизмов образования «фразеологизмов-алогизмов» и классификация их разновидностей предложена в работе Л.К. Байрамовой [29]. Отдельные подходы к проблеме выделения и описания алогичных ФЕ также встречаются в работах [30, 31 и др.]. Таким образом, признак алогичности как смысловой неопределенности, неоднозначности, с одной стороны, и нарушения языковой нормы, повышающей экспрессивность единицы и иницирующей языковую потенциальность, с другой, выявляется исследователями как элемент фразеологического значения, в чем реализуется общеязыковая, культурная и дискурсивная специфика означивания.

Важно отметить, что познание реальности, осуществляемое в процессе интерпретации ее посредством языка, реализуется с помощью выбора того или иного языкового элемента, акцентирования определенного признака, степени его проявления, области корреляции и модели соотнесения с другим именем или признаком. Такое понимание речепорождения, формирования значений и их интерпретации заложено в основе когнитивного анализа, постулирующего идею о том, что в основе ментальной деятельности сознания лежит не только интерпретация информации о мире, но и его «конструирова-

ние» (*constructing*). Идея «проектируемого мира» (*projected world*), т. е. «мира», не объективно данного, а субъективно сконструированного человеческим сознанием, предложена в концепции Р. Джекендоффа [32, р. 29]. Р. Лэнекер отмечает, что проектирование мира является не пассивным, а активным процессом, утверждая определяющую роль говорящего в конструировании реальности [33, р. 487–488].

Определяющую роль человеческого фактора в процессе формирования ФЕ подчеркивает А.В. Кунин, акцентируя когнитивно-прагматический аспект в его образовании и изучении: «Во фразеобразовании огромную роль играет человеческий фактор, так как подавляющее большинство фразеологизмов связано с человеком, с разнообразными сферами его деятельности. Фактор адресата является важнейшим элементом коммуникации» [34, с. 4]. О выборе этносом и человеком тех или иных признаков при образовании ФЕ пишут Л.И. Ройзензон и Ю.Ю. Авалиани: «Если лексика в своей совокупности отражает всю сумму явлений, фактов, процессов действительности, то фразеология охватывает в первую очередь сферу переживаний и чувств, печали, радости, любви, дружбы, конфликта, борьбы, и качественную характеристику» [35, с. 73].

Специфика реализации алогичности в собственно авангардных идиомах

Однако если принципы образования ФЕ в «традиционной» фразеологии подробно описаны в работах В.Л. Архангельского, А.В. Кунина, В.Н. Телии, И.В. Зыковой и др., то принципы построения единиц в идиоматике авангарда требуют отдельного рассмотрения. В связи с этим представляет интерес анализ признака алогичности в единицах, относящихся к области идиоматики авангарда – в «собственно авангардных идиомах» (САИ)¹.

Как отмечает А.В. Кунин, общими чертами фразеологической семантики разных типов ФЕ является «та или иная степень переосмысления значения и фразеологической абстракции, основанная на раздельнооформленности целого и цельнооформленности частей в рамках указанных выше фразеологических структур. Буквальное значение компонентов ФЕ, а также буквальное или переосмысленное значение ее прототипа – составная часть семантической структуры мотивированного фразеологизма» [35, с. 70]. В случае когда мы обращаемся к признаку алогичности как особому способу означивания ФЕ, специфику образования значения в таких единицах можно интерпретиро-

вать с помощью когнитивного механизма перефокусирования.

Как отмечалось выше, общим когнитивным механизмом, лежащим в основе доминирования признака алогичности в собственно авангардных идиомах, или *алогичных собственно авангардных идиомах* (АСАИ), является перефокусирование. Это механизм, который заключается в расхождении между вербализуемым и ожидаемым фокусом и в выдвигании в фокус окказиональных (неконвенциональных) смысловых элементов, что влияет, во-первых, на семантику идиомы, поскольку происходит нарушение стандартного смыслообразования одного из компонентов и идиомы в целом; во-вторых, на ее прагматическую реализацию, когда перераспределение внимания приводит к нарушению формально-смысловой связности между элементами и необходимости самостоятельного достраивания образа объекта.

Опираясь на данное определение, можно сделать вывод о том, что в АСАИ происходит такое отклонение от нормативного смыслообразования ФЕ, когда семантические свойства двух (или нескольких) компонентов подвергаются модификации, а также в фокус выдвигается «окказиональный» семантический компонент. Это происходит за счет смены семантического фокуса в одном из компонентов с узувального (конвенционального) элемента значения на окказиональное (неконвенциональное), что приводит к нарушению смысловых и логических связей между компонентами и модификации значения всей идиомы. Принцип нарушения стандартного означивания и конвенциональной семантики, заложенный в основе алогичности, проявляется в противоречии когнитивных оснований и прагматических норм, а также в логико-семантических нарушениях.

Можно выделить следующие способы номинации, которые лежат в основании алогичных авангардных идиом, образуемых в результате перефокусирования, когда в фокус выдвигаются окказиональные семантические компоненты (окказионализация и конкретизация значения, межсемиотическая транспозиция, энантиосемия) или образуются новые окказиональные единицы (в результате словообразовательных экспериментов): 1) окказионализация и конкретизация; 2) «межсемиотическая транспозиция»; 3) энантиосемия; 4) авангардные идиомы-эксперименты, а также отдельно выделяются модификации «традиционных» фразеологических единиц, которые непосредственно не относятся к зоне САИ.

В целом отмечается градация признака алогичности в зависимости от способа номинации,

лежащего в основании АСАИ: наблюдается повышение степени интенсивности признака от первой выделенной разновидности («оказионализация и конкретизация») – к последней, где он получает максимальное проявление («авангардные идиомы-эксперименты»).

1. Оказионализация и конкретизация

В целом проблема разграничения конкретных и абстрактных имен относится к области логико-философского и гносеологического различения двух видов познания или уровней развития мысленного содержания, где конкретное представляет собой непосредственное восприятие, ограниченное рамками перцепции, в то время как абстрактное относится к области концептуализации и получения знания с помощью абстрагирования от несущественных свойств предмета с целью выделения его фундаментальных признаков. Как отмечает О.К. Ирисханова, «при данном подходе принято делить имена на те, которые служат целям указания на объект, его идентификации (конкретная лексика), и те, которые настраивают на дальнейшее мысленное освоение действительности, ее интерпретацию, т. е. на рассуждение (абстрактная лексика)» [21, с. 79].

При анализе такого вида сдвига фокуса в авангардных идиомах можно сделать вывод, что более характерной для авангардного семиозиса оказывается языковая конкретизация, которая проявляется даже в случаях единиц, ориентированных на дальнейшую интерпретацию и рассуждение. Это, прежде всего, «метаязыковые» единицы, основной целью которых является выражение характерной для авангарда рефлексии языка, являющегося не только механизмом творчества, но и объектом лингво-эстетического осмысления. При этом общая идея интерпретации и осмысления художественной реальности в большинстве случаев выражается в них через языковую конкретизацию.

1.1. Среди таких АСАИ, в которых проявляется метаязыковая установка на осмысление алогичности, можно выделить несколько групп, выражающих ключевые эстетические идеи авангарда: 1) отклонение от нормы и противоречие канону как новый закон искусства и реальности: *нутровой отход от канона; закон случайности в искусстве; добиваться нутром, а не канонам; закон секундного уравнения; всякий поэт есть поэт «заумный»*; 2) ошибка и абсурд как стратегии смыслообразования: *когда нет ошибки, ничего нет; ускорить случай ошибки; УЗАКОНИТЬ ПЛАГИАТ*; 3) разрушение как способ творчества: *всякая красота есть красота со взломом*.

1.2. В других примерах, не относящихся к области метаязыковой рефлексии, **перифокуси-**

рование при языковой конкретизации дополняется смещением фокуса с узуального элемента значения на окказиональный, что получает регулярное выражение и приводит к нарушению стандартных логических связей и модификации семантических связей между всеми компонентами АСАИ.

В АСАИ *первый русский, осмелившийся говорить по-русски* в слове *говорить* происходит актуализация значения ‘словесно выражать мысли, сообщать’, которое замещает контекстуально обусловленное ‘владеть языком’ (*говорить по-русски*), что приводит к выдвиганию в фокус идеи не ‘говорения как владения языком’, а ‘говорения как особого, поэтического, творческого владения языком, требующего специальных усилий (в отличие от обыденного словопотребления)’.

Колпак мещанской логики и мысли (афоризм). АСАИ строится на замене компонентов ‘шутовской колпак’, ‘дурацкий колпак’ на ‘колпак <мещанской> логики’, что приводит к одновременной контаминации и противопоставлению обоих элементов значения: фокус смещается в область более конкретной референции, когда *мещанская логика* метонимически обозначается через элемент шутовского наряда.

Символизироваться перед зеркальным шкафом. Нарушается согласование глагола *символизироваться*, который вместо страдательного залога функционирует в предложении как средневозвратный, что меняет фокус в сторону конкретизации значения. Вместо пассивного значения действия, производимого над объектом: ‘являться, служить символом чего-л.’ формируется значение действия субъекта, не направленного на прямой объект, а возвращающегося к самому субъекту: ‘символизировать (самому)’, что в сочетании с объектом *зеркальный шкаф* дает возможность интерпретировать текст в том числе как ‘символизироваться в зеркале’.

Времовый гроб. Значение времени как «одной из форм существования (наряду с пространством) бесконечно развивающейся материи», характеризующейся «последовательной сменой явлений и состояний» [36] смещается в область более конкретной референции: время как ‘промежуток, отрезок’. Сдвиг фокуса происходит за счет того, что *время* переводится в пространственные категории (ср. с концепцией А. Бергсона, оказавшей большое влияние на авангардное искусство), а также овеществляется: как ‘гроб времени’ могут быть интерпретированы часы.

По сходному принципу образованы АСАИ: *пилить времена на доски, старая изжеванная пакля времени, череп старого мира, череп века*

времени. Тот же принцип сдвига фокуса от абстрактной к конкретной референции реализуется при обращении к АСАИ, включающих компонент 'пространство': *в ящике горизонта разверстанные лица, видеть на расстояниях времени, крепость воздушной или пространственной массы*.

Другие примеры АСАИ, построенные на нарушении логико-семантических связей за счет сдвига фокуса между областями конкретной и абстрактной референции с выдвиганием в фокус окказионального компонента: *мыло словотворчества; закон сапога; лакированный уют культуры; поле лакированных углов; глыбы идеи*.

2. «Межсемиотическая транспозиция»²

Такой вид АСАИ происходит в результате перефокусирования от компонента, относящегося к вербальной системе, в сторону области невербальных видов передачи информации вербальными средствами.

Наша раскраска – первая речь, нашедшая неведомые истины (афоризм). Происходит сдвиг фокуса в сторону абстрагирования значения: с семантического компонента *раскраска* как 'цветной узор, расцветка' к компонентам, относящимся к другой семиотической системе, в которой передача информации осуществляется с помощью вербального кода: 'разговор, беседа', более конкретное значение 'публичное выступление'.

Другие примеры перефокусирования в сторону конкретной референции: *смотреть на язык как на лопату; азбука согласных из железа и гласных из стекла; пейзаж железо-бетонных переплетов мышцы; бензино-электрический пейзаж; пейзаж мгновений скорости*.

Слуховое воображение. Расширение перцептивных возможностей восприятия и творчества происходит за счет сдвига фокуса от визуального аспекта к аудиальному.

Живопись – это напряжённость, сделанность цвета. Техническая терминология и формально-технический аспект творчества выдвигаются в фокус в таком виде искусства, как живопись, сближая его с пластическими искусствами (скульптура, архитектура, перформанс и др.). Акцентируется терминологическое физическое значение: 'напряженность воздействующего электрического поля' [39]; *сделанность* – один из модусов природы искусства (античное триединство: «POIESIS – MIMESIS – TECHNÉ», где POIESIS – выражает акт творческого действия; MIMESIS – подражание-воспроизведение и TECHNÉ – ремесло, наука, хитрость, ловкость – сделанность, завершенность произведения, его выраженность) [40];

цвет 'результат воздействия на глаз лучистого потока, т. е. воспринимаемого глазом эл.-магн. излучения' [39]. Здесь выражается концепция особого видения и «аналитического творчества», разработанная П. Филоновым. Похожие примеры: *действие формой, картина делается*.

К этой же разновидности АСАИ можно отнести сдвиг фокуса между различными научными дисциплинами, в частности, между гуманитарными науками и математическими. Расхождение в фокусах между первым и вторым обозначением объекта приводит к нарушению читательского ожидания и сдвигу фокуса от одной (вербальной) знаковой области к другой (выраженной числами): *слова суть лишь слышимые числа нашего бытия*. При такой смене фокуса расширяется область референции лексемы *слово*, включающей не только вербальную, но и другие семиотические системы.

3. Энантисемия

Помимо рассмотренных выше случаев перефокусирования, АСАИ могут быть образованы и с помощью таких способов нарушения логико-семантических связей, для которых характерно формирование у единицы противоположного значения, выдвигаемого в фокус. Поскольку мы обращаемся к анализу авангардных идиом, то энантисемия проявляется не у отдельной единицы, а у целой идиомы, реализуясь в контексте. Например, *раскрасить мир в бесцветие* (*Мир <, мы проповедуем, будет> раскрашен в бесцветие*); *Живо только то, что внутри нас, а видимая реальность лишь знак, говорящий о жизни*; *Если мир – Материя, то это не значит, что он материален; идея-Мир-без идей*; *галлюцинация вещевых идей; воздух есть тяжесть пространства*.

4. Окказиональные авангардные идиомы-эксперименты

К области АСАИ относятся также **авангардные идиомы-эксперименты**³, т. е. примеры, создаваемые авангардистами для экземплификации собственных теоретических положений и активно используемые в теоретических текстах и манифестах. В роли таких экспериментальных единиц регулярно выступают окказиональные образования, в разной степени реализующие идею «заумного» языка А. Крученых⁴. В этих случаях также происходит выдвигание в фокус алогичного компонента, что позволяет проследить связь между семантикой, словообразованием и функционированием в авангардном художественном дискурсе: *Мне нравится беременный мужчина* (А. Крученых); *Мой жест нелепый усваивают дезертировавшие меридианы* (А. Крученых); *ожиревшая роза; Ынас дыбогласный; Экипаж восторжен от*

маршрута шаризны (А. Крученых); *бес лба; куски сна / годятся / для заплат; облако В штанах* (В. Маяковский); *ЦвѣтуТ как аистЫ / Бревна смѣхом; За примерАми хОдИ далеко / в брюКах С чуЖоГо / плечА / зДаневич.*

Именно в этом типе АСАИ алогичность является доминирующим и максимально проявленным признаком, что обусловлено базовой установкой на разрушение любых культурных и языковых канонов в авангарде. Самоцитация алогичных авангардных идиом-экспериментов в текстах манифестов подтверждает особую их значимость для поэтической и эстетической системы авангардистов.

5. Модификация «традиционных» фразеологических единиц

Отдельно необходимо отметить модификацию «традиционных» фразеологических единиц, которые также входят в зону авангардных идиом: *<И> если люди — соль, не должна ли солонка идти посолонь?* «Традиционная» ФЕ *соль земли* модифицируется за счет употребления архаизма *посолонь*, в семантической структуре которого узуальное значение ‘по солнцу, по течению солнца, от востока на запад, от правой руки (кверху) к левой’ заменяется окказиональным ‘идти посолонь’ в значении ‘А должен сам сеять соль’. Другие примеры модификаций «традиционных» ФЕ: *хляби небесные (людскими хлябями)*; *скелет в шкафу (выкопанный скелет <раскрашивает во все цвета радуги>)*; *умыть руки (омыть рук<и>, <испачканны<е> толпою>)*; *носить воду в решете (делать в решете грохочением)* и др.

Можно сделать вывод, что алогичность является конститутивным признаком идиоматики авангарда, который позволяет не только отграничить авангардные идиомы от «традиционных» ФЕ, но и выявить значимые черты авангардного семиозиса, ключевыми компонентами которого оказываются неопределенность значения, нарушение логико-семантических и концептуальных связей (ср. с пониманием природы алогичности как «складки», лежащей в основе «дизъюнктивного синтеза» – особого типа репрезентации и мышления у Ж. Делеза и А. Бадью). В основе алогичности заложен когнитивный механизм перефокусирования, который реализуется в сдвигах фокуса при общеязыковых процессах (например, конкретизации). Однако перефокусирование в авангардных идиомах, в отличие от стандартного перефокусирования, происходит при выдвигании в фокус окказиональных семантических компонентов, что реализуется как на семантическом (окказионализация и конкретизация, энантиосемия), так и на словообразовательном уровне («заумь»,

«лингвистические эксперименты» авангарда). Выявляется градация признака алогичности в зависимости от способа номинации, лежащего в основании АСАИ, что проявляется в повышении степени интенсивности признака от первой выделенной разновидности («окказионализация и конкретизация») – к последней, где он получает максимальное проявление («авангардные идиомы-эксперименты»). Таким образом, алогичные авангардные идиомы являются маркерами отклонения от языковой нормы, повышая креативный потенциал идиоматики авангарда, деавтоматизируя восприятия адресата и формируя новый художественный язык на глубинном фразеологическом уровне.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18-012-00134) в Институте языкознания РАН.

Примечания

1. Подробнее о двух основных классах вербальных средств идиоматики авангарда: «собственно авангардных идиомах» и «традиционных» фразеологизмах, подвергающихся модификации в идиоматике авангарда, см. [15, с. 10].
2. Термин «межсемиотическая транспозиция» вводит Р. О. Якобсон [37, с. 16]. Применительно к фразеологии см. [38, с. 101].
3. Подробнее о типах собственно авангардных вербальных идиом, включающих авангардные идиомы-термины, авангардные идиомы-экспрессы, авангардные идиомы-эксперименты и др., см. [41].
4. Наиболее полную классификацию видов зауми представил Дж. Янечек [42, с. 15].

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Языковая аномалия и логическое противоречие // Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. С. 598–621.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Падучева Е.В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла // Семиотика и информатика. М., 1982. Вып. 18. С. 76–119.
4. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Аномалии в тексте: проблемы интерпретации // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990. С. 125–147.
5. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Андрей Платонов и другие. М.: Флинта, 2012. 322 с.
6. Апресян Ю.Д. Языковые аномалии: типы и функции // Res Philologica: Филологические исследования. Памяти академика Георгия Владимировича Степанова (1919–1986). М., Л., 1990. С. 50–71.
7. Ревзина О.Г., Ревзин И.И. Семиотический эксперимент на сцене (нарушение постулата нормаль-

ного общения как драматургический прием руды по знаковым системам). Тарту, 1971. С. 232–254.

8. Ляпон М.В. К изучению семантики парадокса // Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. № 2. С. 90–106.

9. Мартемьянов Ю.С. Афоризм: проблема построения имплицитного текста // Имплицитность в языке и речи. М., 1999. С. 115–123.

10. Смирнов И.П. Мегаистория. К исторической типологии культуры. М.: Аграф, 2000. 544 с.

11. Бюргер П. Теория авангарда. М.: V-A-C press, 2014. 200 с.

12. Фещенко В.В. Литературный авангард на лингвистических поворотах. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2018. 380 с.

13. Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 79–128.

14. Соколова О.В. Дискурсы активного воздействия: теория и типология: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2016.

15. Зыкова И.В., Соколова О.В. Языковой эксперимент как установка на идиоматизацию в манифестах кубофутуристов: идиоматика авангарда // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 2. С. 7–20.

16. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Алогизм // Словарь по логике. М., 1997. С. 17.

17. Песков А.М. Алогизм // Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987. Режим доступа: https://literary_encyclopedia.academic.ru/5846/АЛОГИЗМ

18. Делёз Ж. Логика смысла. М.: Раритет, Екатеринбург: Деловая книга, 1998. 480 с.

19. Бадью А. Делёз. Шум бытия. М.: Логос-альтера, 2004. 184 с.

20. Лосев А.Ф. Философия имени / Самое само: Сочинения. М., 1999. С. 29–204.

21. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.

22. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1955. 416 с.

23. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Аспект Прогресс, 1996. 536 с.

24. Телия В.Н. Фактор культуры и воспроизводимость фразеологизмов – знаков – микротекстов // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. М., 2004. С. 674–684.

25. Телия В.Н. Функционально-параметрическая модель значения идиом // Лексикографическая раз-

работка фразеологизмов для словарей различных типов и для машинного фонда русского языка. М., 1988. С. 18–35.

26. Кабакова С.В. Образное основание идиом: психолингвокультурологические аспекты. Мюнхен: Verlag Otto Sagner, 2002. 124 с.

27. Аксамитов А.С. Белорусская фразеология. Минск: Вышэйш. шк., 1978. 223 с.

28. Мокиенко В.М. Загадки русской фразеологии. СПб.: Авалон, Азбука-классика, 2005. 256 с.

29. Байрамова Л.К. Фразеологизмы-алогизмы болгарского языка в аспекте аксиологии // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 28 (282). Филология. Искусствоведение. Вып. 70. С. 17–20.

30. Норман Б.Ю. Славянские паремии: архаика и новации, мудрость и алогизм // Opera Slavica XVII. 2007. S. 1–12.

31. Щербина В.Е. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2006. 16 с.

32. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. 283 p.

33. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.

34. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., Дубна: Феникс, 1996. 381 с.

35. Ройзензон Л.И., Авалиани Ю.Ю. Современные аспекты изучения фразеологии // Проблемы фразеологии и задачи её изучения в высшей и средней школе. Вологда, 1967. С. 72–78.

36. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

37. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М., 1978. С. 16–24.

38. Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: Ленанд, 2015. 380 с.

39. Физическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1984. 760 с.

40. Новейший философский словарь. Мн.: Книжный Дом, 2003. 1280 с.

41. Зыкова И.В. Идиоматика авангарда: ID card идиомы в авангардном дискурсе // Когнитивные исследования языка. Вып. XXXV. 2018. С. 210–219.

42. Janecsek G. Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego, 1996. 427 p.

ALOGISM AS A CATEGORY OF THE AVANT-GARDE IDIOMATICS (THE CASE STUDY OF AVANT-GARDE MANIFESTOES)

O.V. Sokolova

The paper explores conceptual foundations, linguistic peculiarities and features of meaning-making in the avant-garde idiomatics. The aim of the study is to research alogism as one of the category features of the avant-garde idiomatics. The article defines the boundaries of the concept of «alogism» in phraseology and in the avant-garde artistic discourse, and also elaborates the concept of «alogical avant-garde idioms (proper)». Alogism, on the one hand, falls within the area of language anomaly and in this respect opposes the language norm. On the other hand, alogism underlies the process of meaning-making of the avant-garde idioms and, more broadly, of the avant-garde semiosis. The alogical avant-garde idioms are based on the cognitive mechanism of refocusing. Its peculiarity in the literary avant-garde consists in putting into focus occasional semantic components. As a result, the paper identifies certain methods of nomination which are involved in the formation of alogical avant-garde idioms, such as occasionalization and concretization, «intersemiotic transposition», occasionalization and enantiosemey, occasional avant-garde idioms-experiments, modification of «traditional» phraseological units.

Keywords: language anomaly, alogism, avant-garde idiomatics, cognitive mechanism of refocusing, concretization, enantiosemey, intersemiotic transposition.

References

1. Apresyan Yu.D. Yazykovaya anomalija i logičeskoe protivorečie // *Izbrannye trudy: V 2 t.* M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1995. T. II. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografiya. S. 598–621.
2. Arutyunova N.D. Yazyk i mir čeloveka. M.: Yazyki russkoj kul'tury, 1999. 896 s.
3. Paducheva E.V. Tema jazykovej kommunikacii v skazkah L'yuisa Kerrolla // *Semiotika i informatika.* M., 1982. Vyp. 18. S. 76–119.
4. Bulygina T.V., Shmelev A.D. Anomalii v tekste: problemy interpretacii // *Logičeskij analiz jazyka: Protivorečivost' i anomal'nost' teksta.* M., 1990. S. 125–147.
5. Radbil' T.B. Yazykovye anomalii v hudožestvennom tekste: Andrej Platonov i drugie. M.: Flinta, 2012. 322 s.
6. Apresyan Yu.D. Yazykovye anomalii: tipy i funkcii // *Res Philologica: Filologičeskije issledovanija.* Pamyati akademika Georgija Vladimiroviča Stepanova (1919–1986). M., L., 1990. S. 50–71.
7. Revzina O.G., Revzin I.I. Semiotičeskij eksperiment na scene (narušenie postulata normal'nogo obščhenija kak dramaturgičeskij priem rudy po znakovym sistemam. Tartu). 1971. S. 232–254.
8. Lyapon M.V. K izučeniju semantiki paradoksa // *Russkij jazyk v nauchnom osvješhenii.* M.: Yazyki slavjanskoj kul'tury, 2001. № 2. S. 90–106.
9. Martem'janov Ju.S. Aforizm: problema postroenija implicitnogo teksta // *Implicitnost' v jazyke i reči.* M., 1999. S. 115–123.
10. Smirnov I.P. Megaistorija. K istoričeskoj tipologii kul'tury. M.: Agraf, 2000. 544 s.
11. Byurger P. Teorija avangarda. M.: V-A-C press, 2014. 200 s.
12. Feshchenko V.V. Literaturnyj avangard na lingvističeskix povorotah. SPb.: Izd-vo Evropejskogo universiteta, 2018. 380 s.
13. Vitgentshejn L. Filosofskie issledovanija // *Novoe v zarubežnoj lingvistike.* Vyp. XVI. Lingvističeskaja pragmatika. M., 1985. S. 79–128.
14. Sokolova O.V. Diskursy aktivnogo vozdejsťviya: teorija i tipologija: Dis. ... d-ra filol. nauk. M., 2016.
15. Zykova I.V., Sokolova O.V. Yazykovej eksperiment kak ustanovka na idiomatizaciju v manifestah kubofuturistov: idiomatika avangarda // *Voprosy kognitivnoj lingvistiki.* 2019. № 2. S. 7–20.
16. Ivin A.A., Nikiforov A.L. Alogizm // *Slovar' po logike.* M., 1997. S. 17.
17. Peskov A.M. Alogizm // *Literaturnyj enciklopedičeskij slovar'.* M.: Sovetskaja enciklopedija, 1987. Rezhim dostupa: https://literary_encyclopedia.academic.ru/5846/ALOGIZM
18. Delyoz Zh. Logika smysla. M.: Raritet, Ekaterinburg: Delovaja kniga, 1998. 480 s.
19. Bađ'yu A. Delez. Šum bytija. M.: Logos-al'tera, 2004. 184 s.
20. Losev A.F. Filosofija imeni / Samoe samo: Sočinenija. M., 1999. S. 29–204.
21. Iriskhanova O.K. Igry fokusa v jazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovanija. M.: Yazyki slavjanskoj kul'tury, 2014. 320 s.
22. Balli Šh. Obščhaja lingvistika i voprosy francuzskogo jazyka. M.: Izd-vo inostrannoj literatury, 1955. 416 s.
23. Reformatskij A.A. Vvedenie v jazykovedenie. M.: Aspekt Progress, 1996. 536 s.
24. Teliya V.N. Faktor kul'tury i vosproizvodimost' frazeologizmov – znakov – mikrotekstov // *Sokrovennye smysly. Slovo. Tekst. Kul'tura.* M., 2004. S. 674–684.
25. Teliya V.N. Funkcional'no-parametričeskaja model' značhenija idiom // *Leksikografičeskaja razrabotka frazeologizmov dlia slovaraj različnyh tipov i dlia mashinnogo fonda russkogo jazyka.* M., 1988. S. 18–35.
26. Kabakova S.V. Obraznoe osnovanie idiom: psiholingvokul'turologičeskije aspekty. Myunhen: Verlag Otto Sagner, 2002. 124 s.
27. Aksamitov A.S. Belaruskaja frazeologija. Minsk: Vyshejšh. shk., 1978. 223 s.
28. Mokienko V.M. Zagadki russkoj frazeologii. SPb.: Avalon, Azbuka-klassika, 2005. 256 s.
29. Bajramova L.K. Frazeologizmy-alogizmy bolgarskogo jazyka v aspekte aksiologii // *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta.* 2012. № 28 (282). Filologija. Iskusstvovedenie. Vyp. 70. S. 17–20.
30. Norman B.Yu. Slavjanskije paremii: arhaika i novacii, mudrost' i alogizm // *Opera Slavica XVII.* 2007. S. 1–12.
31. Šcherbina V.E. Koncept «vremja» vo frazeologii nemeckogo i russkogo jazykov: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2006. 16 s.
32. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1983. 283 p.
33. Langacker R. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Stanford: Stanford University Press, 1987. 540 p.
34. Kunin A.V. Kurs frazeologii sovremennoego anglijskogo jazyka. M.: Vyssh. shk., Dubna: Feniks, 1996. 381 s.
35. Rojzenzon L.I., Avaliani Ju.Yu. Sovremennije aspekty izučenija frazeologii // *Problemy frazeologii i zadachi ejo izučenija v vysshej i srednej škole.* Vologda, 1967. S. 72–78.
36. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka. SPb.: Norint, 1998. 1534 s.
37. Jakobson R.O. O lingvističeskix aspektah perevoda // *Voprosy teorij perevoda v zarubežnoj lingvistike.* M., 1978. S. 16–24.
38. Zykova I.V. Konceptosfera kul'tury i frazeologija: Teorija i metody lingvokul'turologičeskogo izučenija. M.: Lenand, 2015. 380 s.
39. Fizičeskaja enciklopedija. M.: Sovetskaja enciklopedija, 1984. 760 s.
40. Novejšij filosofskij slovar'. Mn.: Knizhnyj Dom, 2003. 1280 s.
41. Zykova I.V. Idiomatika avangarda: ID card idiomy v avangardnom diskurse // *Kognitivnye issledovanija jazyka.* Vyp. XXXV. 2018. S. 210–219.
42. Janecek G. Zaum: The Transrational Poetry of Russian Futurism. San Diego, 1996. 427 p.